

Однако это не может изменить той исторической истины, что в лице Фонтенеля картезианский материализм непосредственно подготовил и заложил первоосновы материалистического мировоззрения эпохи Просвещения.

¹ Grégoire Fr. Le dernier défenseur des tourbillons: Fontenelle. Revue d'Histoire des sciences et de leurs applications.— Paris, 1954, t. VII, f. 3, p. 221.

² Flourens P. Fontenelle ou de la philosophie moderne relativement aux sciences physiques.— Paris, 1847, p. 136, 122.

³ Laborde-Mila A. Fontenelle.— Paris, 1905, p. 138.

⁴ Carre J.-R. La philosophie de Fontenelle, ou le sourire de la raison.— Paris, 1932, p. 381.

⁵ Marsak L. M. Cartesianism in Fontenelle and French Science 1686—1752.— Isis, 1959, v. 50, p. 59.

⁶ Момджян Х. Н. У истоков французского Просвещения XVIII века.— В кн.: Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме. М., 1979, с. 11.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 140.

⁸ Barrow J. Theological Works.— Cambridge, 1859, t. IX, p. 86—87.

⁹ Fontenelle B. Histoire de l'Academie royale des Sciences.— Paris, 1690, p. 76.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 145.

М. А. МОЖЕЙКО

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ НАД ПРАКТИКОЙ КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ НАТУРФИЛОСОФСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Натурфилософская картина мира античности представляет собой систему различных вариантов космологических моделей, выработанных отдельными мыслителями или школами. Эти философские модели принадлежат к прогностическим элементам в системе античной культуры, т. е. не просто отражают уже освоенные социумом формы практики, но, напротив, представляют собой такие видения реальности, которые выходят за рамки сложившихся стереотипов мышления¹. Последнее возможно как продуцирование программ будущих форм деятельности и генерирование на основании этого знаний о предметных структурах, еще не освоенных практикой социума, причем этот процесс детерминируется параметрами культуры.

Культура есть упорядоченная совокупность программ социальной деятельности, материализованных в различных семиотических системах и транслируемых от поколения к поколению². Прогностические процессы в культуре осуществляются за счет эксплицирования и рационализации философией глубинных мировоззренческих структур (категорий), имплицитно заложенных в культуре, соответствующих определенному уровню развития общественной практики,³ и погружения этих категорий в новые системы отношений между собой. Результаты этого процесса впоследствии апробируются и контролируются практикой. Многообразие вариантов натурфилософской картины мира античности может интерпретироваться как результат различной организации эксплицированных и превращенных в философские категории наиболее общих глубинных категорий культуры.

Очевидно, что для осуществления указанного процесса необходимо рациональное осмысление не только общих понятий, но и программ деятельности, т. е. тех структур, с помощью которых возможна иная организация категорий, обеспечивающая их семантическое обогащение в новых системах отношений друг с другом. Такая всесторонняя рефлексия над практикой могла осуществляться как на основе мысленного анализа конкретных практических актов, так и посредством анализа семиотических систем, выражающих программы деятельности. В культуре Греции VIII—IV веков до н. э. к таким характерным системам относились эпическая мифология и естественный язык. Последний является универсальным средством выражения программ деятельности для всех человеческих культур, ибо представляет собой непосредственную действительность мысли, тогда как мышление есть не что иное, как отражение действительности, познанной, по словам К. Маркса, в форме практики, деятельности субъективно⁴.

Как известно, структура практического акта может быть представлена следующим образом: **действующий субъект** с присущими ему целями и знанием программ деятельности → **средства деятельности** → **операции** → **предмет деятельности** → **продукт**⁵. Причем если содержание данных структурных компонентов акта деятельности варьирует в зависимости от способа произ-

водства, на котором зиждется тот или иной социальный организм, то наличие объективно-предметной составляющей деятельности (превращение предмета в продукт, т. е. изменение его свойств, протекающее по законам природы) и ее субъективной составляющей (действующий субъект, обеспечивающий условия для протекания процессов, соответствующих его целям) является универсально необходимым.

Весьма серьезную роль в выявлении указанной структуры практики сыграла в Греции рефлексия над практикой, осуществлявшаяся за счет мысленного анализа деятельности актов. Это было обусловлено специфической формой производства античного общества, когда в результате высокого уровня разделения труда последний дифференцировался не только по своему субъекту и предмету, но и сама деятельность как процесс оказывалась расчлененной. Как было отмечено еще Аристотелем⁶, в античном обществе производственно-деятельный акт включал в себя два равно необходимых, но разделенных компонента: прогностическо-теоретическую деятельность свободного гражданина по формулировке приказа (что предполагает предварительный мысленный анализ данного акта деятельности, выделение его структуры и вербальное ее выражение) и практическо-исполнительскую деятельность раба по реализации этого приказа; адекватность исполнения требует соответствия логической структуры приказа реальной структуре деятельности. Как видим, данный тип деятельности для своего воспроизводства с необходимостью требует рефлексии над практическими актами, причем эта рефлексия включает в себя вербальное оформление приказа (вычлененной структуры деятельности), что привело к осознанию греками сопряженности языковых структур с программами практики.

Современным языкознанием разработана проблема так называемых универсалий, т. е. внеязыковых общих понятий, стоящих за семантико-синтаксическими структурами и не зависящих от способа выражения последних в том или ином языке. К этим универсалиям лингвисты относят такие категории, как категория действия (воздействия, состояния, фактивности), которой соответствует сказуемое; деятеля (субъекта действия, агенса), которой соответствует подлежащее; объекта воздействия и орудийности (дополнение); категория признака (свойства), которой соответствует определение; категория положения в пространстве и во времени (обстоятельство) и др.⁷ Очевидно, что указанные универсалии есть не что иное, как определенный блок категорий культуры, отражающий универсальные структурные элементы практического акта. Система отношений между этими элементами выступает в качестве общего каркаса семантико-синтаксических структур языка, ибо общие для всех языков отношения между членами предложения (субъективности, объективности, предикативности и атрибутивности) фактически выражают отношения между объективно-предметной и субъективной составляющими деятельностного акта и между свойствами предмета деятельности и измененными свойствами продукта.

Формальное выражение функционально-семантических языковых групп (членов предложения и частей речи) и отношений между ними зависит от специфики конкретного языка. Так, в древнегреческом языке, относящемся к языкам флективного строя, синтаксические отношения выражались с помощью конечной флексии, а функционально-семантические группы оформлялись морфологически; в нефлективных языках, к которым относится, например, древнекитайский *вэньянь*, синтаксические связи не воспроизводились в составе слова, сведенного к своему лексико-семантическому корню, а выражались с помощью порядка слов в предложении, служебных слов, ударений и музыкального интонирования и т. п.⁸ Поскольку функционально-семантические группы слов, соответствующие структурным компонентам деятельностного акта, репрезентируются так или иначе во всех языках, постольку принципиальная возможность рефлексии над практикой посредством анализа языка не зависит от способа этой репрезентации. Однако последний может облегчать данную рефлекссию, обнажая структуру предложения и морфологически в ней подчеркивая указанные универсалии, либо, напротив, может препятствовать рефлексии, затрудняя выявление семантико-синтаксических связей внутри предложения. Морфологические признаки функционально-семантических групп, не будучи основными по отношению к другим их индикаторам, несмотря на это являются наиболее очевидными. В связи с этим флективный древнегреческий язык гораздо больше способствовал вычленению в его грамматическом строе структур деятельности, чем древнекитайский *вэньянь*, особенно, если вспомнить, что

предложение (в виде приказа рабу) с самого начала ставилось греками в соответствие с программами деятельности, подлежащей выполнению. (Выделение функционально-семантических групп в китайском языке ставилось под сомнение вплоть до XX века, тогда как греческие мыслители выделили их уже в VI—II веке до н. э.) Тем не менее, вэньянь отражал в своих грамматических структурах не только универсальную схему деятельностного акта, но и особенности реализации практики в Древнем Китае. Так, если в системе европейских языков в основную семантико-синтаксическую оппозицию выделяются прежде всего **имя** и **глагол**, т. е. акцентируется соотношение объективно-предметной и субъективной составляющих практики (действующий субъект и преобразование им предмета в продукт), то для древнекитайского языка характерно выделение пары **имя** — **предикатив**⁹, т. е. акцент сделан на объективно-предметной составляющей деятельности (модификация свойств предмета и превращение его в продукт). Это объясняется тем, что консервативно-носная практика земледельческого Древнего Китая обусловила формирование в системе древнекитайской культуры пассивно-созерцательного принципа «у-вэй» (недеяния) в противоположность принципу активно-деятельного подхода к действительности, выработанному в культуре европейского социума с его динамичной практикой. Основные составляющие практики выделяются во всех культурах, независимо от указанных акцентов, а уровень их рационализации зависит от степени развития общественной практики.

Отсутствие в первобытном обществе рефлексии над деятельностью и осознания индивидом себя как субъекта практики привело к отражению деятельностной ситуации в языке единым инкорпоративным комплексом (типа «человеко-оленное-убийство»), где слиты воедино все члены предложения и пассивная конструкция не передает действующего лица. Последнее домысливается говорящим в виде мифологически оформленного потустороннего существа или тотема, а действительный субъект действия выступает в качестве его пассивного исполнителя¹⁰. Начальным этапом рефлексии над практикой является осознание самого факта деятельности, чему соответствует формирование в языке глагольной конструкции, которая в процессе осознания отношений между действующим лицом и пассивными элементами оформляется как активная структура действительного залога с синтаксически выраженным субъектом, занимающим позицию подлежащего. Но некоторые следы прежнего мифологического субъекта остаются и в развитом древнегреческом языке. Так, по интересному наблюдению А. Ф. Лосева, конструкции современного русского языка «дождит» соответствует в древнегреческом «Зевс дождит»¹¹. Такие языковые конструкции могли сохраняться благодаря отмеченной акцентировке внимания греческой культуры на таком аспекте структуры деятельности, как соотношение между ее объективно-предметной составляющей и субъективной, непременно включающей в себя активно действующий субъект.

Специфика осмысления практики имела серьезное влияние на характер древнегреческой картины мира, поскольку в основании семантических структур натурфилософских моделей лежат эксплицированные программы деятельности. Если характерное для древневосточной культуры выделение в структуре практики объективно-предметного блока и связей внутри его способствовало формированию преднаучного рассмотрения протекания процессов как независимых от действующего по отношению к ним субъекта, то присущее культуре Древней Греции распространение на космические процессы законов человеческой практики, где первопричиной выступает цель действующего субъекта, приводит к возникновению в греческой философии категории целевой причины. Такую целеполагающую функцию выполняет Логос в модели Гераклита, Нус — у Анаксагора, Любовь-Ненависть — у Эмпедокла, Перводвигатель — у Аристотеля. Примат этих сущностей над материальным субстратом не является следствием идеалистических взглядов того или иного философа (хотя, по словам Ф. Энгельса, здесь уже имеется «зерно позднейшего раскола»¹²), но обусловлен характерным для греческой культуры рассмотрением каждого процесса не как протекающего самостоятельно, но включающего в себя наряду с объективно-предметной (субстратной) составляющей и блок целеполагания. Такие натурфилософские конструкции являются отражением типичной для античного способа производства ситуации, когда в принципе самостоятельная деятельность раба дополнительно санкционируется приказом рабовладельца (субъекта, инициирующего процесс и определяющего его цели), и в такой же

мере — отражением социальной жизни полиса, где деятельность свободного гражданина детерминирована номосом (общим законом, извне санкционирующим поведение индивида).

В целом же универсальные для натурфилософской картины мира космические механизмы, наиболее четко и адекватно выраженные в модели Аристотеля в виде материальной, формальной, действующей и целевой причин, есть не что иное, как эксплицированные из категориального фонда культуры глубинные понятия о мире, познанные в форме практики, рационализированные античными мыслителями и оформленные в категории философии, а семантические связи между ними, составляющие каркас той или иной натурфилософской модели, — отрефлексированные структуры социальной практики.

¹ См.: Степин В. С. Естествознание как социо-культурный феномен (К проблеме становления естествознания в истории цивилизации). — В сб.: Ценностные аспекты современного естествознания (Тезисы докладов к теоретической конференции). — Обнинск, 1970.

² См.: Степин В. С. Социальная детерминация научного познания. — В сб.: Диалектический материализм как методология естественных наук. Минск, 1972.

³ См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. — М., 1972.

⁴ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3.

⁵ См.: Щедровицкий Г. П. Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий. — В сб.: Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969, с. 57.

⁶ См.: Политика Аристотеля / Под ред. С. А. Жебелева. — Труды Петербургского философского общества. СПб, 1911, вып. VII, с. 4—5, 10—11.

⁷ См.: Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. — М., 1978, с. 27.

⁸ См.: Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. — М., 1965.

⁹ См.: Драгунов А. А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. — Л., 1962, с. 68; Яхонтов С. Е. Указ. работа, с. 40.

¹⁰ Мещанинов И. И. Новое учение о языке: Стадиальная типология. — Л., 1936, с. 294, 295.

¹¹ См.: Лосев А. Ф. Специфика языкового знака в связи с пониманием языка как непосредственной действительности мысли. — Известия АН СССР, сер. литературы и языка, 1976, № 5, т. 35, с. 402.

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 504.

Новые книги Издательства БГУ имени В. И. Ленина

Румянцева Т. Г. **Критический анализ концепций «человеческой агрессивности».** — 128 с. — Рус. яз. — 1 р. 10 к.

Монография представляет собой одну из первых в советской философской литературе попыток всестороннего критического рассмотрения концепций «человеческой агрессивности». Показаны научная несостоятельность данных концепций, их классовая сущность и роль в арсенале новейших средств буржуазной идеологии.

Рассчитана на преподавателей и студентов вузов, пропагандистов.

Яцкевич А. Ф. **Диалектика объективного и субъективного в проявлении законов общества.** — 175 с. — Рус. яз. — 1 р. 60 к.

Автор рассматривает механизм проявления социальных законов в условиях развитого социализма, подвергает критике концепции фатализма и субъективизма.

Рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов.